

Литературный АЗЕРБАЙДЖАН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

2
февраль
1959

Год издания XVII

	Стр.
Талет ЭПИЮБОВ. Строители коммунизма. Стихи (перевод И. Лиснянской)	3
Ахмед ДЖАМИЛЬ. Родина. Год рождения. Ахундов. Учитель. На заре. Стихи (переводы А. Кафанова, В. Портнова, Б. Лейтина)	4
41-Я ГОДОВЩИНА СОВЕТСКОЙ АРМИИ	
Иван ТРЕТЬЯКОВ. Смертью смерть поправ. Рассказ	7
Михаил ПЕТРАКОВ. Дневальный. Стихи	32
Владимир ВАСИН. Трап. Тревога. Стихи	32
М. ФЕДОТОВСКИХ. Астронавтам. Жаворонок. Стихи	33
Сабит РАХМАН. Вероломный. Рассказ (перевод И. Печенева)	34
Гусейн АББАСЗАДЕ. Дастан о водоносе. Поэма (перевод Бориса Дубровина)	64
ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ	
Ахмед РАГИМОВ. Рассказы о детях (перевод И. Новинской)	69
Мамед ИБРАГИМОВ. Земля родная. Чудесная книга. Стихи (перевод В. Зайцева)	76

(См. на обор.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА
БАКУ

Сабит РАХМАН

Вероломный

Рассказ

К нашей соседке Садаф-хале переехали новые жильцы, женщина с двумя детьми. Сыну — восемь лет. Дочь — уже взрослая девушка.

Вещей — всего лишь одна повозка. Въехали. Разместились. Открыли окна. Вычистили, вымыли, привели в порядок комнату.

Женщина служит, дочь тоже. Мальчик учится в школе.

Садаф-хала говорит, что она слишком поздно узнала о том, что девушка — комсомолка, а мать — служащая. Узнай соседка об этом раньше, она им отказала бы. Сейчас Садаф-хала раскаивается.

Ворчит:

— Откуда я знаю, что это за человек. Завтра ей захочется, она присвоит себе мой дом, а меня выгонит. Куда я пойду в моем-то возрасте?

Моя мать утешает Садаф-халу:

— Чего боишься? Не смотри, что она чужая. Среди чужих встречаются такие люди, что в тысячу раз лучше родственников. Не бойся. Все будет хорошо. А потеряешь дом, приходи, живи у нас. Сейчас не те времена... Нечего шуметь!

После переезда к Садаф-хале новых жильцов в жизни квартала произошли некоторые изменения. Придя из школы, мальчуган сразу же перелезает через забор в наш двор и взбирается на макушку алычового дерева. Отец в подобных случаях всегда держит себя в руках. Кричать он не может, но я вижу: внутри у него все дрожит.

Мать ругает меня:

— Почему ты не вобьешь в забор колья?!

Я отвечаю:

— Честное слово, мама, для этого разбойника колья не преграда...

— Послушайся меня. Вбей колья. Посмотрим, сможет он завтра перелезть через забор?

— Он не полезет через забор, через ворота пройдет. Что ты ему скажешь?

За три дня мальчишка оборвал всю верхушку алычи. Что можно было съесть — съел, а остальное оборвал и побросал на землю. Наконец, он оставил в покое алычу и полез на грушу.

Отец не выдержал, подошел и говорит спокойно:

— Послушай, сынок, зачем ты взобрался на эту грушу? Ведь плоды еще не созрели...

— Я заранее тренируюсь, товарищ! — отвечает мальчишка отцу. — К тому времени, когда груши созреют, я буду взбираться на дерево в один миг.

Садаф-хала привела не в свой дом жильцов, а в наш сад беду. От стыда она даже стесняется заходить к нам.

Прежде Садаф-хала целыми днями пропадала у нас возле тендира, куда собирались и другие женщины квартала, чтобы поболтать и посплетничать. Я любил их слушать. Женщины меня не стеснялись.

Отец сердился. Ему не нравилось, что я сидел вместе с женщинами и принимал участие в их болтовне.

— Лучше, — говорил он, — полистай книги, подучи молитвы...

Сам он полдня проводит на минарете, поет азан¹ в маленькой мечети. Раньше у отца был хороший голос. Но сейчас его держат муэдзином только из уважения. Шутка ли — тридцать пять лет драть глотку на верхушке минарета.

Отец хотел и меня повести по своему пути. Но его мечты не сбылись. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, у меня пропал голос. Так я и не стал муэдзином. Мать этому страшно обрадовалась. Она хочет, чтобы я учился. Говорит:

— Если бы наш сын выучился, как другие ребята, стал человеком, мы бы не остались без куска хлеба на старости лет.

Виноват не я. Отец не разрешил мне учиться.

Я окончил начальную школу. В средней школе он дал мне проучиться только два года.

— Достаточно!.. — отрезал он. — Хватит, подучись немного ремеслу.

Как сказал, так и сделал. Забрал меня из школы и устроил учеником к шапочнику, уста Зейналу.

Сейчас я не хожу к своему мастеру. У отца с ним почему-то испортились отношения. Это было для меня спасением. Я воткнул иголку в ворот рубахи и отправился домой.

Как раз в тот период, когда мы расстались с мастером Зейналом, я пристрастился к чтению небольших книжек. Вначале мне было трудно привыкнуть к новому шрифту, но сейчас я уже свободно читаю.

Однако читать приходится тайком от отца. Он против.

Мне очень стыдно. До каких пор я буду жить на иждивении отца?

Он приносит из мечети гроши, добытые едва ли не попрошайничеством. Мои сверстники сейчас вершат большие дела. А я сижу дома, ничем не занимаюсь, трачу попусту время. Отец ничего не говорит, но ведь у меня есть совесть. Я единственный сын у родителей. Поэтому они не тревожат меня.

Случается, у нас в доме не бывает ни крошки. Если мать плачет, я знаю: есть нечего. Отец сидит, уткнув голову в колени, и без конца вздыхает. У меня начинает ныть сердце.

Вот и сегодня у нас нечего есть. Утром мы не завтракали. Матери

¹ Азан — призыв к намазу (молитве), провозглашаемый с минарета.

нездоровится. В полдень она не выдержала, показала на коврик у порога и сказала:

— Сынок, возьми его, отнеси на базар, постарайся продать...

Я ждал, что отец начнет кричать. Он всегда был против, когда дело доходило до распродажи домашних вещей. И так уже в доме почти ничего не осталось.

Но на этот раз отец промолчал.

Я взвалил коврик на плечи и пошел на базар. Некоторое время я стоял на одном месте, перекинув свой товар через руку. Но никто ко мне не подходил. Тогда я принялся бродить по базару. Неожиданно какой-то мужчина, одноглазый, весь обросший щетиной, спросил у меня цену. Я не смог ответить, так как мне не пришлось в голову заранее оценить коврик.

Шли минуты. Я не отвечал кривому.

Заметив мое смущение, он сказал:

— Что-то ты примолк, дружок. Видно, краденое продаешь... Где стибрил?

На это я тоже ничего не ответил.

Видя, что я смутился еще больше, кривой ухмыльнулся и отошел. Но вскоре опять появился передо мной в сопровождении каких-то двух типов. Приглядевшись внимательно к коврику, он сказал приятелям:

— Смотрите, разве это не тот коврик, который я в прошлом году купил в Карабахе?

Дружки тотчас подтвердили:

— Он самый, милый, он самый... Его-то и украли у тебя.

Кривой схватил меня за руку и приказал одному из парней:

— А ну, мчись за милиционером!

У меня пересохло во рту, стянуло губы. Я пытался что-то сказать, но ничего не вышло. Одноглазый крепко держал меня за руку. Я рванулся раз, другой, вырвался, наконец... Швырнул к их ногам коврик и кинулся наутек.

Прибежал домой, разревелся. Отец не сказал ни слова. Он так и застыл, уставившись глазами в одну точку. Мать плакала. Но не бранилась. Это ужасно на меня подействовало. Если бы они рассердились, кричали, мне было бы гораздо легче.

Маленькую мечеть закрыли. Говорят, это подстроили моллы больших мечетей, чтобы к ним приходило больше народу. Какое значение имеет теперь причина? Мечеть закрыта — и все! Одно меня удивляет: как аллах может смотреть на все это равнодушно? Моллы, спекулируя его именем, творят беззакония, обируют бедных и слабых. Почему аллах терпит это?

Короче говоря, нас превратили в нищих.

Матери стало еще хуже. Она совсем не встает, сделалась желтой, как лимон. Все время спит. А если не спит, то плачет.

Вот уже два дня я ищу работу. Ничего подходящего нет.

Кажется, все в квартале знают о нашем бедственном положении.

Племянник Садаф-халы где-то работает. Получает очень прилично. Он всегда здоровается с отцом и со мной. Но вчера он проходил мимо, — я поздоровался, а он не ответил. Может, решил, что я собираюсь попросить у него взаймы.

Однако я не из тех, кто зарится на чужие деньги или вещи. Мне легче убить себя, чем просить, кланяться или зариться на чужое. Эта

черта моего характера известна отцу. Она очень ему не нравится. Мечеть приучила его просить милостыню. Таков обычай. Говорят, муэдзин, выкрикивающий азан, служит прихожанам. Поэтому считают, и платить ему должны прихожане. А как это назвать? Конечно, это одна из форм попрошайничества.

К вечеру состояние матери резко ухудшилось. Отец послал меня к Садаф-хале.

— Попроси хоть для больной кусочек хлеба. Как страдает! Она не вынесет... Нам-то самим ничего.

Мне был известен скверный нрав нашей соседки. Но ради матери я все-таки пошел.

Садаф-хала кормила во дворе кур. Она сердито глянула на меня. Затем повернулась к своей квартирантке, которая стояла на балконе, и громко сказала:

— Товарищ соседка, посмотри... Какой взрослый парень, а не стыдится попрошайничать!

После этого Садаф-хала повернулась ко мне:

— Послушай, дорогой, если вы голодны, чем же я виновата? Работайте, трудитесь. Привыкли жить подавняниями... Что вам надо от меня? Мой дом — не пекарня.

Меня даже пот прошиб. Язык прилип к гортани. Если бы во дворе была только одна Садаф-хала, возможно, я что-нибудь и ответил ей. Но мне было стыдно женщины, стоящей на балконе. Я поплелся домой.

Мать спала. Я говорю: спала, но это значит, она просто лежала с закрытыми глазами. Я обо всем рассказал отцу. Он сел, положив руки на колени, и задумался. Вдруг раздался звон разбитого стекла. Большой камень стукнулся в стену над головой матери. На пол посыпались осколки. Мать вскрикнула и очнулась. Мы с отцом выбежали во двор.

Перед домом стоял сын жилички Садаф-халы. Увидев нас, он хлопнул в ладоши и громко засмеялся:

— Извините, товарищи! Хотел подбить воробья, а попал в ваше окно.

Сказав это, мальчишка с быстротой молнии выскочил со двора. Я хотел догнать его, но отец остановил меня:

— Не надо. Не трогай мальчика. Пойди и все расскажи его матери.

Отец вернулся к постели больной.

Я опять поплелся к дому, со двора которого только что ушел смущенный, красный от стыда. Я не знал, что скажу. Но перед моими глазами стояло бледное лицо матери, которая испуганно вскочила, встревоженная звоном разбитого стекла и стуком камня.

Я несколько раз постучал в ворота. Мне открыла молоденькая девушка с миловидным лицом, обрамленным каштановыми волосами. Увидев ее, я снова покраснел.

— Вам кого? — улыбнулась девушка.

Я догадался, что это дочь жилички Садаф-халы.

— Потрудитесь, пожалуйста... Позовите на минуточку вашу маму, — попросил я.

— Хорошо....

Девушка ушла, оставив калитку открытой.

Я смотрел ей вслед и видел, как развеваются ее короткие волнистые волосы.

Немного погодя появилась ее мать.

Увидев меня, она нахмурилась и закричала:

— У меня нет хлеба для дармоедов! Ступай работать. Стыдно! Зачем попрошайничаешь?

Эти слова оглушили меня, как пощечина. Я растерялся и не знал, что отвечать. Потом, робея, пробормотал:

— Мы не попрошайничаем... Мой отец не молла... Он зарабатывает своим трудом.

Женщина выкрикнула еще громче:

— Зарабатывает, и пусть себе зарабатывает! Но зачем же ходить по дворам и выпрашивать хлеб?

— Я не выпрашиваю...

Женщина не стала меня слушать, хлопнула калиткой и ушла.

Я подумал: у такой злюки не может быть иного сына, — и пошел домой.

У меня колотилось сердце. Опять я возвращался от этих ворот, никого не пристыдив, наоборот, пристыженный сам.

Мать умерла. Мы с отцом похоронили ее. Отец еще больше постарел. За один день у него поседела щетина на впалых щеках.

В тот вечер, вернувшись с кладбища, он растянулся на кровати, словно мертвец. Потом поднялся, сел, показал рукой на окно, за которым зияла тьма, и прохрипел:

— Сынок, почему ты не пожаловался его матери? Почему он не оставляет нас в покое?

За окном никого не было.

— Отец!.. Ложись... Там никого нет.

— Вот он!.. Вот!..

Отец показывал пальцем на темное окно.

— Смотри... мальчишка... Видишь, в руках у него камень? Хочет бросить в меня!

Отца начала бить дрожь. Он крепко обнял меня. Руки были горячие, как угли. Я не понимал, что с ним происходит. Он дрожал, как осенний листок. Что это?.. Страх, болезнь?..

Я встал и закрыл окно.

— Может, лампу зажечь, папа?

— Нет... нет... Ты с ума сошел?! Зажжешь лампу — он увидит нас и бросит камень.

Некоторое время отец молчал, потом заговорил дрожащим взволнованным шепотом:

— Мать умерла от голода, сынок. Но она умерла с честью. Не попрошайничала. Мы тоже умрем. И ты, и я... Постараемся не быть тяжелым грузом на плечах у других. Пусть аллах хранит нас. А не хочет хранить — пусть убьет!..

Отец показал на окно и снова начал нести чепуху:

— Вот он!.. Снова кидает камень... Тысячи камней летят в нас... Не давай!.. Закрой!.. Закрой!.. Все закрой...

Он опять задрожал, а вместе с ним и я. Мне стало жутко.

Немного погодя отец снова заговорил:

— Ты тоже не будь вероломным. Завтра же принимайся за работу! Найди работу!.. Живи только своим трудом. Не гнись. Ни перед кем не гнись. Я всю жизнь ходил согнувшись в три погибели, как серп. Хватит! Не будь таким! Если ты когда-нибудь заработаешь прислужничеством кусок хлеба и принесешь в дом, он застрянет у меня в горле. Ты не должен быть вероломным...

К утру у отца начался жар. Он бредил:

— Твоя мать оказалась вероломной... Ушла... Умерла раньше меня... Что я буду делать без нее?.. Как я бился, чтобы спасти ей жизнь! Помнишь тот день, когда мы сидели голодные?.. У кого я только не просил займа денег. Никто не дал. Все меня гнали... И я украл... Да, под страхом смерти я зашел в один дом и украл муку... Я хотел украсть и ее смертный час. Но не смог. Краленая мука убила ее!..

Эти слова потрясли меня. Известие о воровстве отца пробудило во мне чувство, ранее неведомое: отвращение к нему.

Я не знаю, куда направиться, чтобы найти работу. Готов взяться за любое дело. У меня такое желание трудиться! Я проворный. Легко на подъем, не так, как некоторые.

После этой ночи, после ночи, когда отец признался в воровстве, я не могу смотреть ему в лицо.

...Я вышел из дому и медленно побрел куда глаза глядят. В голове мелькнула мысль: не пойти ли туда, где строятся новые дома? Наймусь рабочим... Посмотрим, что получится...

Все мне кажется новым. Выходит, я еще ни разу в жизни не проходил так медленно, так спокойно по этим улицам?! Поэтому-то мне все и представляется таким странным.

Что это? Ребята, играющие на улице, побросали игрушки и удивленно уставились на меня. Кто-то засмеялся, кто-то обидно пошутил.

А это что? За мной по пятам идут какие-то люди. Кто-то хватается меня за полу чохи. Оборачиваюсь. Люди стоят в стороне. Просто полы чохи путаются у меня в ногах. Но люди начинают смеяться, улюлюкать.

Тогда я пошел быстрее, затем побежал. Люди некоторое время бежали за мной следом, потом отстали.

Огромный камень, рассекая воздух, пронесся у меня над ухом.

Я бросился в какую-то пустынную, безлюдную улочку. Хохот, насмешки, издевательства остались позади.

Я опустил на камень. В каком я был жалком состоянии! Однако мне почему-то хотелось не плакать, а смеяться над собой. Это было мое первое столкновение с жизнью, с живой, настоящей жизнью. Она подняла меня на смех. Но я должен все стерпеть. Должен перенести и это, и еще более худшее! Убегать нельзя!

Я поднялся и пошел на строительство.

Все рабочие, начиная от грузчиков, кончая штукатурами, оставили свои дела и принялись удивленно меня разглядывать. Краснея, я подошел к одному и спросил, кто здесь начальник.

Рабочий показал рукой на здание вдали. Хотел было что-то сказать, но не выдержал и фыркнул. Все вокруг тоже засмеялись. Я покраснел еще сильнее. Задрожали колени. Я двинулся к дому, который мне показал рабочий. Неожиданно я опять запутался в полах своей чохи и упал на песок.

То ли рабочим стало жалко меня, то ли они боялись, что я пожалуйюсь начальнику, — не знаю. Однако тот же самый рабочий, который только что смеялся надо мной, и еще кто-то из его товарищей подошли, подняли меня и привели в комнату, где было два больших зеркала.

— Сейчас придет директор и примет тебя!

И они ушли.

Я остался один, подошел к зеркалу. И тут меня самого разобрал смех. Ну и вид! На голове рваная шапка отца, на плечах — его же старая заплатанная чоха, на ногах — чувяки, какие носят служители ме-

четей. Шапка напознала на глаза. Вдобавок, я был весь в пыли, — результат падения.

Чтобы предстать перед директором в более приличном виде, я принялся отряхиваться.

Неожиданно дверь кабинета распахнулась. На пороге появился сердитый человек в очках и что-то закричал.

Я склонился перед ним в глубоком поклоне. Человек продолжал раздраженно говорить, да так быстро, что я не мог разобрать ни слова.

В ответ я склонился еще ниже. Потом приложил руку к груди и сказал:

— Прошу тебя, директор... Я хочу стать рабочим...

Директор нахмурился и посмотрел на меня. Казалось, мой вид привел его в чувство и сделал речь, доступной пониманию.

Он ясным голосом спросил:

— Что тебе надо, эй? Чего здесь трясешь пыль?

Я онемел. Казалось, у меня отняли язык и передали его этому человеку. Я снова поклонился.

Директор закричал:

— Что ты вертишься, как ветряная мельница? Говори, что тебе надо?

Я хотел сказать что-то связное. Но из горла у меня вырвалось только одно слово:

— Работа...

— Чем занимался до сего времени?

— Я не работал, товарищ директор.

— Значит, бездельничал...

— Да, бездельничал... Но сейчас прошу вас...

— Кто твой отец? Чем занимается?

— Он муэдзин.

— Значит, молла.

— Нет, директор, муэдзин. Он с утра до вечера выкрикивает с минарета азан.

— Довольно болтать! — оборвал сердитый директор. — Таким, как ты, у нас нет работы. Иди, не отнимай время!

Вобрав голову в плечи, я двинулся к двери.

Большая площадь, на которой громоздились горы камней, была залита желтыми лучами заходящего солнца. Горизонт, окрашенный в янтарный цвет, казался, замер в ожидании момента, когда он проглотит светило. Ветерок сметал с камней белую пыль и убегал куда-то вдаль, взбирался на высокие деревья, заставляя шептаться и трепетать их листву. Достигая моих ушей, этот шепот превращался в плач. Мне чудилось, будто за моей спиной сотни голосов хором повторяют:

— Сбрось с себя эту одежду!.. Сбрось!..

Горька была моя жизнь. Я годами сидел дома на стареньком коврике. Теперь он меня не принимает.

— Ступай! — говорит он. — Раздобудь кусок хлеба своему несчастному отцу. Он голодный, бедняга.

«Значит, молла?..»

Нет, мой отец не молла, он бедняк. Он создан из людских страданий. Он вскормлен человеческим горем!

Площадь передо мной залита лучами заходящего солнца. Они падают и на большое зеркало в комнате директора, делают мое изображение огромным.

Зеркало тоже хохочет:

— Сбрось эту смешную шапку! Скинь с себя отцовские лохмотья!..

Зеркало кричит, множество зеркал кричат:

— Скинь!.. Скинь!.. Скинь!..

Я сорвал с головы шапку, натянул на колено, рванул, разорвал на куски и швырнул что было силы вверх. Словно подстреленная птица, она несколько раз перевернулась в воздухе и упала на камни.

Я крикнул ей:

— Значит, молла?

За спиной раздался чей-то голос:

— В чем дело, сосед? Голубей пускаешь, что ли?

Я обернулся: это был Солтан, Солтан, живущий неподалеку от нас.

Солтан уроженец не нашего города. Он из другого района. Садаф-хала его землячка. Однако отношения между ними натянутые.

Солтан из тех людей, которые много о себе мнят. У него безобразное лицо: маленькие хитрые глазки, лохматые брови, нос напоминает ястребиный клюв. Цвет лица смуглый. Возраст определить трудно, можно дать и тридцать и сорок.

Я молчал. Солтан повторил свой вопрос.

— Так в чем дело? Почему задумался?

Я не знал, что отвечать. Да и что скажешь человеку, который даже не снизошел до того, чтобы поздороваться?

Видя, что я по-прежнему задумчив, Солтан засмеялся и мягко спросил:

— Что же случилось, Салех? Почему такой грустный?

Мне не хотелось отвечать. Я стоял, устремив глаза вдаль.

Солтан подошел ближе и так же мягко, проникновенно сказал:

— Я спрашиваю тебя. Ты заснул?

Он опустился рядом на камень. Некоторое время мы молчали. Затем Солтан тихо заговорил:

— Надел на себя отцовскую одежду моллы и пошел искать работу? Нацепил бы еще что-нибудь. В такой одежде ходят только к намазу. Оденься по-человечески. Затем... Что за работа — таскать камни? Это не для тебя. Пойдешь на службу ко мне в учреждение.

Я молчал.

— Только у меня есть кое-какие условия, — продолжал Солтан. — Если ты их принимаешь, я тебя завтра же устрою на работу. Если нет — пеняй на себя. Я тут ни при чем. За подобных тебе должны ручаться только такие, как я. Иначе ничего не выйдет. Будь человеком! Человеком!! Понял? Иди в моей тени. Но у меня есть условие. Сказать?

— Я слушаю.

— Да, слушай. Твоя работа в учреждении — исполнять мои поручения. Но ты должен быть нем и слеп. Это первое условие. Слышишь?

— Слышу.

— Слушай дальше. Ты будешь расписываться в ведомости о зарплате, а деньги получать лично у меня. Неважно, какая сумма будет там значиться. Довольствуйся тем, что я дам. Это второе условие. Дальше. Ты можешь писать по-новому?

— Как по-новому?

— Новым шрифтом. Не старым, арабским.

— Я знаю новый шрифт...

— Сейчас иди домой. Завтра придешь туда, где работаю я. Знаешь где это?

— Знаю. Приду...

Название учреждения, куда я устроился, мне неизвестно. Одно знаю: все рабочие, работающие на стройке, приходят сюда с какими-то книжечками и платят членские взносы.

Не знаю также, как именуется моя должность. Прежде всего я выполняю приказание Солтана. Затем разношу письма, переписываю, бегаю за папирусами.

Здесь кроме меня работает много людей. Но я еще никого не знаю. О ком вам рассказать? Может, о дочери жилички Садаф-халы, о той комсомолке, которая однажды открыла мне калитку?.. Она тоже здесь работает. У нее большой стол. Все бумаги, поступающие в наше учреждение, лежат на этом столе. Девушку звать Инджи¹. И действительно, она похожа на жемчужину. Со всеми говорит приветливо, всем дает добрые советы.

Мой стол в той же комнате, где сидит Инджи. Тут же работает еще одна девушка, худая и высокая. Она красит губы в какой-то странный цвет, а каждый ее ноготь похож на чайную ложку. По профессии она машинистка. Весь день стучит на машинке, ест и смотрит в зеркало. У Солтана отдельная комната. Мы не можем войти к нему, когда хотим. Если надо, он сам звонком вызывает нас. Когда ему нужен я, звонок звенит два раза, если он зовет Инджи — три, а машинистку он не вызывает вовсе: она входит к нему без звонка, когда ей вздумается.

Когда она выходит к Солтану, Инджи смотрит на меня и улыбается. Я от смущения опускаю глаза.

После работы мы иногда идем домой вместе с Инджи. Она говорит, я слушаю. Теперь уже люди на улице не поднимают меня на смех, как прежде. Я одет прилично. В первый же день после моего назначения на работу Солтан вызвал меня и дал немного денег, чтобы я приоделся. Я взял...

Вчера, придя домой, я вспомнил, что забыл на работе еду, купленную для отца. Мы пообедали тем, что у нас осталось со вчерашнего дня. Вечером же я решил сходить в учреждение, забрать свой пакет.

Наш дом стоит на склоне горы. Место очень живописное. Чтобы немного развлечься, я сначала взобрался на гору. Мое сердце, покрывающееся плесенью в темной лачуге в обществе отца, который постепенно теряет разум, наполнилось радостью. Мне почудилось, будто я под самыми облаками. Я наверху, а город, залитый янтарным светом, — внизу.

Солнце село. Из ущелий начал подниматься туман. Как серая, злобная опасность надвигался он на зеленое царство красоты. Немного погодя снежная вершина высокой горы окрасилась в молочный цвет, стала серебряной. Скоро из-за нее выглянула луна, похожая на улыбающееся девичье лицо. Поднимаясь все выше и выше по склону к снежной макушке, она, казалось, ласкала седые кудри старушки-горы.

Можно до самого утра наслаждаться этой красотой, — и все равно не насытишься!

Я спустился с горы и по пыльным улицам города пошел в свое учреждение. Там никого не было. Насвистывая, я подошел к столу, открыл ящик, взял свой сверток и хотел уже уходить. Вдруг слышу: какой-то странный звук. Мне показалось, он исходил из комнаты Солтана. Я замер, прислушался. Звук повторился. Сердце сжалось от страха. «Может, в кабинет Солтана залезли воры?» — подумал я. Что делать? Бежать, позвать людей или войти в комнату, проверить? Некоторое время я колебался. Потом вдруг осмелел. Какой-то голос внутри меня при-

казал: «Открой, посмотри, кто там!» Я на цыпочках подошел к кабинету и что было силы рванул на себя дверь.

Моим глазам представилась странная картина: в комнате происходила борьба. Ухватившись одной рукой за спинку дивана, Инджи старалась вырвать другую из рук Солтана. Солтан был без шапки, волосы рассыпались по лицу. Задышавшись, он тянул к себе девушку.

Как только дверь открылась, оба замерли. Солтан сверкнул глазами, налитыми кровью, и отпустил руку Инджи. Девушка оправила платье и, не глядя на меня, кинулась вон, словно птица, выпущенная из клетки.

Я очутился в затруднительном положении и начал раскаиваться, что открыл дверь, вошел в комнату, что вообще пришел сюда.

Я хотел уже уйти, но Солтан подошел ко мне. Глаза его метали молнии.

— Слушай, — сказал он, — что ты здесь делаешь?

Я не успел ответить. Он продолжал:

— Ты слышишь?

— Слышу.

— Слушай! Я тебя спрашиваю, что ты здесь делаешь?

— Я забыл на работе сверток. Пришел за ним...

— А зачем открыл эту дверь?

— Услышал голоса... Подумал, может, воры. Потому и открыл.

— Ты слышишь?.. Я тебя спрашиваю, зачем ты открыл эту дверь?!

Глаза Солтана горели злобой. Рубаха была растегнута до самого пояса. Каждый волосок на его груди ошетинился, словно дракон. Он часто дышал, не моргая, смотрел мне в глаза и без конца повторял:

— Зачем ты открыл эту дверь?

Я собрался с силами и ответил:

— Я открыл дверь, чтобы посмотреть, кто в комнате.

Солтан схватил меня за плечи.

— Ступай! — сказал он. — Завтра получишь расчет. Слышишь?

Значит, он выгоняет меня с работы?! Почему-то вся моя жизнь в один миг промелькнула у меня перед глазами.

— Ты слышишь?

Я ничего не слышал. Только вдали, где-то совсем далеко, мне мерещилась фигура отца... Согнувшись, он подбирал во дворе какой-то мусор. Старик смотрел на меня и быстро-быстро повторял:

— Не будь вероломным!.. Не будь вероломным!..

Мне стало страшно. Сердце забилося, в глазах потемнело. Потом они наполнились слезами. Задрожали колени. Я не устоял, опустился на пол, припал к ногам Солтана.

— Хорошо, ступай! — сказал вдруг Солтан. — Но о том, что здесь произошло, должны знать только ты и твоя могила. Ступай! Слышишь?

На следующий день Солтан двумя звонками вызвал меня к себе в кабинет.

Я вошел.

Худая машинистка тоже была здесь. Не глядя на меня, Солтан протянул мне пачку бумаг.

— Возьми! — сказал он. — К вечеру перепишешь это красивым почерком. Когда кончишь, отдашь Лейли-ханум. Пусть отпечатает — она не разбирает мой почерк. Потом принесешь мне. К восьми часам вечера. Слышишь?

— Слышу.

— Слушай! Никто не должен читать эти бумаги. Когда Лейли-ханум кончит печатать, принесешь их мне. Слышишь?

¹ Инджи — буквально: жемчуг.

— Слышу.

— Ступай!...

Все мои злоключения начались с этих бумаг.

Переписывая их, я увидел, что Солтан написал в них страшные вещи. Например, он утверждал, что Инджи безнравственная девушка, что она не подходит для работы в советском учреждении и так далее, и тому подобное.

Несмотря на то, что между нашими семьями существовала некоторая вражда, Инджи я глубоко уважал. Эти бумаги заставили меня задуматься. Впервые в жизни меня так сильно мучила совесть. Что же получается? Неужели я собственными руками должен переписывать клевету о девушке, которая достойна большого уважения?

Сначала я хотел все рассказать самой Инджи, показать ей бумаги. Но мне пришлось тут же отказаться от этой мысли. Мало ли что может быть! Девушка молодая, кровь горячая... Разозлится. И меня погубит, и себя...

Так что же делать? В чем состоит мой долг? Что должен делать в данном случае молодой парень, который имеет совесть и честь, но у которого нет поддержки и опыта?

После долгих размышлений я пришел к выводу:

«Нет, так не годится. Письмо Солтана готовится тайком. Точно так же надо подготавливать и контрмеры. Тайком... Чтобы никто ничего не знал. Надо выяснить, куда и кому будет послано это письмо. Туда же надо написать другое письмо и рассказать, как все обстояло на самом деле. На яд Солтана я должен приготовить противоядие. Он собирается нанести удар по другу, я должен быть готов защитить этого друга.

Мой ленивый мозг начал шевелиться.

Сделаю так. Узнаю, куда будет послано письмо, и напишу туда все, как было. Тайно сделаю добро Инджи, уважаемой Инджи.

Однако самое трудное — узнать учреждение, куда будет послано письмо. Я долго ломал голову. Наконец, мой мозг, который уже начал постепенно привыкать к сложным ситуациям, нашел выход и из этого положения.

Нужное мне учреждение знает только машинистка Лейли. Возможно даже, она лично принимала участие в написании письма.

Сведения, в которых я нуждаюсь, можно выведать у нее только с помощью политики.

Какой политики?... Я на нее сердит. Когда Лейли со мной здороваюсь, мне кажется, будто она меня оскорбляет. Но я чувствую, что с первого же дня понравился ей. Несмотря на молодость, она уже была замужем и разошлась.

На днях она мне сказала очень странную вещь. Я молча работал за своим столом. Инджи тоже была занята делом. Лейли сидела за машинкой. Почему-то она все время смотрела на меня. Всякий раз, когда я, устав, поднимал голову от бумаг, мои глаза встречались с ее глазами. Через некоторое время она встала и подошла к моему столу.

— Товарищ Салех, — сказала она, — хочу вас кое о чем спросить. Не обидитесь?

— Нет, пожалуйста...

— Прошу вас, извините... Меня разбирает любопытство, вы бреете себе брови?

Сначала я плохо расслышал. Мне показалось, она говорит про мою голову. Поэтому я ответил так:

— Я брею голову раз в год. Но...

Лейли-ханум перебила меня.

— Я спрашиваю не о голове, а о бровях.

Меня разобрал смех.

— Да разве брови бреют?

Инджи громко захохотала.

Лейли покраснела, сердито сверкнула глазами, села на свое место и громко застучала на машинке.

С тех пор она со мной не разговаривает.

Но сегодня вечером я должен непременно помириться с ней, чтобы узнать тайну. Благо для этого есть и повод.

Я смотрел в окно, и снова мое сердце наполнялось печалью.

Тьма на улице напоминала горькую, гемную жизнь, прожитую мной. Я больше не хотел жить такой жизнью, опять переживать пустые, бессмысленные дни, которые остались позади. Дни, когда мы жили благодаря покровительству молл-шарлатанов, думающих только о своих карманах, вечно обманывающих моего отца.

Послышались чьи-то шаги. Я догадался: это Лейли-ханум. Скрестив на груди руки, я сел на подоконник. Едва она переступила порог, встал и поздоровался. Лейли подошла ко мне. Я крепко пожал ее руку.

Кажется, Лейли не ожидала от меня такой смелости. Она игриво улыбнулась. Я почувствовал к ней еще большее отвращение. Надо сказать, она очень следила за своим лицом, но это не шло ей на пользу. От косметики она выглядела еще хуже.

Вот и сегодня. Чтобы бросаться в глаза в темноте, она наложила на лицо целый пуд пудры, на губы — толстый слой помады.

Поздоровавшись со мной, Лейли танцующей походкой подошла к стулу, села, небрежно бросила на стол свою сумочку и глубоко вздохнула.

Вот тут-то я сразу и начал:

— Почему вы так вздыхаете, Лейли-ханум? Какое у вас может быть горе?

Она еще больше закривлялась и сказала:

— Так... Не всякий поймет горе, живущее в сердце молодой девушки. Я взял стул, сел рядом с Лейли и, следуя своей роли, спросил:

— А что если один молодой человек интересуется вашим горем?

Неожиданно я почувствовал, что переборщил. Интонация голоса была очень неестественная. Однако Лейли-ханум не почувствовала фальши.

Некоторое время мы говорили о печали, которая живет в ее сердце. Я видел, разговор со мной доставлял ей большое удовольствие. Она продолжала кокетничать, потом спросила:

— А почему вы до сего времени так холодно обращались со мной? Я думала, что совсем вас не интересую.

Я ждал этого вопроса.

Ответил:

— Хотите знать правду? Боялся...

— Кого же? — удивилась Лейли. — Я сама себе хозяйка.

— Нет, я боялся не чужих. Меня смущали те, что работают у нас в учреждении. Два человека...

— Солтан?

— Да. Первый он.

Эти слова привели Лейли-ханум в возбуждение. Она схватила мою руку, сжала ее и заговорила взволнованно и быстро.

— Что вы боитесь Солтана? Он у меня в руках. Вот в этой маленькой ручке. Стоит мне только сжать ее — и из него дух вон!

Сказав это, Лейли-ханум опять стиснула мои пальцы и продолжала:

— Мне известны такие его делишки, что, если я разглашу, у него голова полетит с плеч. Конец ему придет! И так все им недовольны! От одного удара скончается!

Лейли распалась все больше и больше. Словом, она разнесла Солтана в пух и прах.

Наконец, оставив его в покое, она спросила:

— А кто же второй, кого вы боитесь?

— Инджи... — тихо ответил я.

В следующий миг мне показалось, будто в комнате разорвалась бомба.

— Кого? Инджи?! — воскликнула Лейли. — Кто такая Инджи, чтобы ее боялись? Вот смотри: вся ее судьба в этой бумажке.

Лейли-ханум помахала у меня перед носом письмом Солтана.

— А что может сделать эта бумажка? Вы, наверно, подошьете ее к делу. Там она и останется.

Итак, мы перешли к интересующему меня вопросу.

— Зачем подшивать к делу? — удивилась она. — Один экземпляр отдадим в Контрольную комиссию, другой — в комитет комсомола. Увидишь, от Инджи в учреждении и следа не останется!

— А правда ли, что о ней написано?

Вопрос рассмешил Лейли-ханум. Она опять взяла меня за руку, притянула к себе и хрипло зашептала на ухо:

— В этом мире нет правды, милый.

Видя, что Лейли готова перейти от слов к делу, я осторожно высвободил руку и сказал:

— Пора... Приступайте к работе, иначе опоздаем...

Лейли-ханум нехотя села за машинку и начала быстро печатать.

Мне все стало ясно. Я узнал военный план этих двух людей, созданных для хитростей и интриг. Но как теперь действовать против них? Этого я еще себе не уяснил.

Я слышал о существовании таких организаций, как Контрольная комиссия, комитет комсомола. Но как они работают, какие функции выполняют, это мне было неизвестно. Я думал, как только подобное письмо доберется до этих учреждений, Инджи тотчас будет уволена и опозорена. Поэтому я решил действовать немедленно, посоветоваться с Инджи и бороться вдвоем.

Вскоре стук машинки прекратился. Лейли-ханум кончила печатать. Она вытерла с лица пот, как люди, много потрудившиеся над добрым делом, и обернулась ко мне.

— У вас красивый почерк. У Солтана — отвратительный. Какие-то закорючки. Ничего нельзя разобрать. А ваш почерк так же красив, как ваше лицо.

Лейли-ханум встала, потянулась и шепотом добавила:

— Я очень люблю красивых мальчиков.

Увидев, что положение опять становится опасным, я быстро встал, собрал бумаги, которые она отпечатала, и сказал:

— Я пошел. Надо поскорее отнести все это Солтану.

Кажется, моя поспешность не пришлась по душе Лейли-ханум. Она подошла к двери, загородила мне дорогу и спросила, сощурив свои хитрые глаза:

— Вы от меня убегаете? Или боитесь Солтана?

Тут я не выдержал и сказал ей всю правду:

— Я питаю отвращение к вам обоим! Вы интриганы и клеветники. Вот ваша истинная профессия!

Лейли-ханум нахмурилась. Лицо ее стало страшным.

— Вы это серьезно? — спросила она неуверенно, не зная, сердиться ей или смеяться.

Я был взбешен, поэтому на ее вопрос ответил громко:

— Да, я говорю серьезно. Вы — низкие, отвратительные люди. Мой отец говорит, что...

Глаза Лейли-ханум загорелись ненавистью.

— Твой отец сумасшедший! — оборвала она меня. — Он бродит по улицам и собирает мусор. А ты... ты — червяк, который вылез из этого мусора!

У меня потемнело в глазах, закружилась голова.

Я оттолкнул Лейли-ханум от двери и бросился во тьму.

Да, верно, я вылез из грязи и мусора. Но разве вся эта зелень, деревья, цветы не выросли из черной земли?

Да, верно, я вылез из грязи и мусора. Но я всем своим существом тянулся вверх, к свету, солнцу. Несчастны те, чьи глаза слепнут от яркого света, те, что прячутся в грязи и нечистотах. Лейли-ханум и Солтан именно такие люди.

Я, как бездомный, долго бродил по темным улицам. Казалось, тени, окружавшие меня со всех сторон, едва различимые тени домов, заборов, стен, кустарников, деревьев вздыхали, словно живые, и что-то шептали мне. Я не слушал их, не хотел слушать и шел наугад, не разбирая дороги.

Вдруг вижу: я стою перед своим домом. Тут я вспомнил Инджи. Я решил поговорить с ней, непременно поговорить этой ночью. Я подошел к забору и заглянул в их двор. Инджи сидела на террасе. Большая лампа освещала ее красивое лицо. Мать без конца вставала, выходила в комнату и опять возвращалась. Она что-то говорила Инджи. Девушка слушала и одновременно читала книгу.

Я осторожно перелез через забор и, крадучись, подошел к террасе. Мне стал слышен их разговор.

Мать говорила:

— Как только найду новую квартиру — сейчас же переедем. Откуда я знала, что нашим соседом окажется сумасшедший. Бедный мальчик не может выйти из дому.

— Брат тоже хорош, мама, — перебила Инджи. — Он извел всех соседей.

— Верно, он немного шаловливый...

— Не шаловливый, а невоспитанный, — опять оборвала девушка. — и ты работаешь, и я. Он предоставлен самому себе. Потому такой невоспитанный.

— Не стыдно ли тебе называть своего брата невоспитанным?!

— Я говорю то, что есть. Соседи ни в чем не виноваты.

— Может, еще станешь защищать этого сумасшедшего моллу?

— Он не молла, мамочка. Он такой же трудящийся, как и мы. То, что с ним случилось, произошло от горя, от бедности.

— Ничего не знаю. Если он еще хоть слово скажет моему сыну, я подниму такой скандал...

— Ты ничего не сделаешь, потому что неправа. В этом вопросе тебя никто не поддержит.

Мать вспыхнула.

— Посмотрим! — выкрикнула она и ушла в комнату.

Инджи опять уткнулась в книгу.

Я сделал шаг к террасе и тихо позвал:

— Инджи, Инджи..

Я думал, Инджи испугается голоса из темноты и убежит в комнату. На ее месте я поступил бы именно так. Но Инджи не испугалась. Она подняла голову, сощурила глаза, защищая их от света лампы, и, глядя в темноту, равнодушно спросила:

— Кто меня зовет?

Я подошел к террасе и тихо сказал:

— Это я.

Увидев меня, Инджи сначала удивилась, потом улыбнулась.

— Входи, входи! — пригласила она меня на террасу.

Я ответил все так же шепотом:

— Мне надо вам кое-что сказать по секрету.

Инджи удивилась еще больше.

В жизни не видел такой смелой и решительной девушки.

Она встала и крикнула:

— Мама, я буду во дворе. Сейчас приду.

Затем подошла ко мне, взяла за руку и повела в глубь сада к забору, который разделял наши дворы.

Стало светлее. Чадра черных туч, покрывающих небо, в некоторых местах разорвалась. То там, то тут проглядывали звезды, иногда появлялась луна.

Я рассказал Инджи обо всем. Девушка слушала внимательно. Когда я кончил, она задумчиво сказала:

— Большое спасибо, Салех. Хорошо, что предупредил. Солтан все время увивался вокруг меня. В тот вечер, когда ты нас застал, он вызвал меня на работу якобы по делу. Гнусный тип! Однако он убедился, что я не из тех, которые ему нужны. И вот результат — клеветническое письмо. Но ничего... Мы ему покажем, кто мы такие. Маска с него сорвана. В другом районе он был исключен из партии. От нас он это скрыл. Ты иди, большое спасибо. Помогай нам до полного его разоблачения.

Я проводил Инджи до террасы, попрощался и вышел на улицу.

Это и была моя главная ошибка. Надо было перебраться к себе через забор.

Дело в том, что, подойдя к воротам, я увидел силуэт человека. Откровенно говоря, у меня от страха затряслись поджилки. Я так и застыл на месте, не зная, что делать: бежать ли назад, идти вперед, или продолжать стоять.

Человек подошел ко мне и схватил за руку. Я узнал Солтана.

Сжимая мою руку, Солтан быстро заговорил:

— Ты откуда? Почему до сих пор не принес бумаги? Слышишь?

— Слышу.

— Слушай! Откуда ты идешь? Чей это дом?

Солтан подошел к забору, пригляделся и страшным голосом зашептал:

— Ага, здесь живет Инджи!.. Вон она... Разговаривает на террасе с пожилой женщиной. Значит, ты... Значит, ты... Слышишь?

— Слышу.

— Слушай! Ты показал ей мое письмо?.. Негодяй!.. Давай его сюда. Паршивый молла!.. Сын моллы!..

Я протянул Солтану бумаги и тихо сказал:

— Не кричи на улице!.. Бери свое письмо!.. Мой отец не молла, а муэдзин.

Солтан сунул бумаги в карман и забормотал:

— Проклятие и змее, и ее детенышу. Какая разница — молла или муэдзин. И то, и другое — нечисть!.. Хорошо, увидишь, что я с тобою сделаю. Ты еще не знаешь как следует Солтана!

Сказав это, он исчез в темноте.

Я пошел домой.

Рано утром меня разбудил голос отца. Дверь дома была распахнута. Он стоял посреди комнаты, прижимая к груди несколько старых, рваных башмаков, и, глядя в одну точку, повторял:

— Уносят... Все собрали, хотят унести...

— Отец, что случилось? Что хотят унести? — спросил я.

Отец вздрогнул, словно в него плеснули кипятком, посмотрел на меня и закричал:

— Хватайте его, держите!.. Вот пришел вор!

Отец бросился на меня. Я оттолкнул его и вышел из дому. Запер дверь.

Из дома раздался крик:

— Ты не имеешь права запираить мой дом! Ты запер мечеть, разрушил минарет. А теперь хочешь перед моим носом закрыть дверь моего же дома? Открой, открой!

Я молчал.

— Открой, говорят тебе! Открой, иначе я так закричу, что весь мир перевернется вверх дном. Открой! У меня умер сын! Открой! Я хочу похоронить его! Открой!

Мне стало жаль отца, и я отпер дверь. Он стрелой выскочил во двор и замер, ослепленный светом, словно заключенный, десять лет просидевший в темнице. Потом он подошел ко мне, припал к земле и разрыдался, как ребенок.

— Вставай, отец, вставай! Не узнаешь меня? Я твой сын, Салех.

Отец молчал. Затем медленно поднялся, вышел за ворота и куда-то поплелся.

Час был ранний. Я хотел сделать все свои дела до работы. Боясь, что отец помешает, я запер ворота и быстро написал письмо, которое, по моему мнению, должно было противодействовать клевете Солтана. В письме я объяснял, почему Солтан клеветает на Инджи.

Вдруг в ворота заколотили кулаками.

— Открой!.. Открой!.. Эй, сын сумасшедшего! Твоего отца надо заковать в цепи!

Я открыл ворота.

Перед домом толпился народ.

Отец вырвался из чьих-то цепких объятий и бросился ко мне. Его лицо и руки были в крови.

— Что случилось? Вы хотите убить старого человека?! — закричал я.

Мать Инджи, растолкав толпу, подвела ко мне своего сына. Увидев их, отец скользнул в ворота и кинулся в дом.

Мать Инджи сдвинула свои тонкие брови и напустилась на меня.

— Эй, вы, отправьте безумца в сумасшедший дом. Я сейчас пойду жаловаться! Старик бросается на детей! Не дает им проходу на улице. Если бы не люди, он убил бы их!..

Она говорила еще очень долго: что я такой же сумасшедший, как мой отец, что все наши предки были сумасшедшими, что нас нужно

выгнать из этого квартала. Затем схватила сына за руку и побежала куда-то жаловаться.

Люди никак не хотели расставаться с «интересным» зрелищем. Мне стоило большого труда выпроводить всех со двора.

Оставив отца дома, я вышел на улицу. Но куда идти: на работу или за врачом? Конечно, надо прежде всего за доктором. Но где они, эти доктора? Где больница? Я не знал. Поэтому поспешил на работу, чтобы посоветоваться с Инджи.

Улицы были украшены флагами. Магазины закрыты. Интересно, какой сегодня праздник? Пионеры с красными галстуками, с красными флажками в руках куда-то шли, распевая песни.

Может, сегодня и учреждения не работают. Как же я найду Инджи? Идти к ним домой я не хотел. После сегодняшнего скандала мне противно смотреть на эту женщину, то есть на мать Инджи. С другой стороны, без Инджи я не найду врача... Кроме нее я никому не доверю своей тайны.

Перед нашим учреждением стояли: Солтан, Лейли, Инджи и несколько рабочих со стройки. Лица у всех были празднично оживлены. На стене висел большой красный флаг. Видимо, мои сослуживцы собрались на демонстрацию и кого-то ждали.

Я подошел, поздоровался.

Лейли отвернулась. Солтан сердито нахмурился и вошел в учреждение. Да, отношения обострены, тучи сгустились, позиция каждого прояснилась. Я подумал, что теперь уже нет никакой возможности удержаться на работе.

Лейли стояла злая и гневная.

Я приблизился к Инджи, и мы, сев на траву, принялись болтать, смеяться. Для Лейли-ханум это было тяжелой пыткой.

Немного погодя Солтан позвал ее. Виляя бедрами, она вошла в учреждение и заперла двери изнутри.

Инджи посмотрела на меня и улыбнулась. Рабочие тоже многозначительно переглянулись.

Я не знал, какой сегодня праздник, а спросить стеснялся. После долгих колебаний я, наконец, спросил у Инджи, но так, чтобы никто не слышал.

— Что за праздник сегодня?

Инджи удивленно вскинула брови.

— Я спрашиваю, какой сегодня праздник? — повторил я.

— Международный день молодежи.

Я не расслышал, подошел к Инджи поближе и переспросил:

— Как, как?

Инджи наклонилась к самому моему уху и громко сказала:

— Международный день молодежи... — Она рассмеялась и добавила: — Кажется, ты не понял.

Я промолчал. Мне действительно было непонятно, что значит международный день молодежи.

Я стеснялся Инджи.

Думал, что неприязнь, существующая между нашими семьями, должна породить в конце концов и неприязнь у Инджи ко мне. Я боялся этого, мне хотелось молча, не разговаривая, просто так, посидеть с нею рядом.

— Ну, ты что, язык проглотил? Отвечай...

— Откровенно говоря, Инджи... ханум, да, не понял.

Инджи вырвала пучок травы, смяла в кулачке и повернула ко мне свое улыбающееся лицо.

— Что? Что ты сказал? С каких пор я стала «ханум»?

— А как же мне вас звать?

— С каких пор мы стали с тобой на «вы»?

Я растерялся. А Инджи легонько дернула меня за волосы и погрозила пальцем:

— Если вы еще раз назовете нас на «вы», то больше никогда не увидите нашего лица!

Я весело рассмеялся.

— Вот теперь ты похож на человека. А ну-ка, развяжи язык, рассказывай... В жизни может приключиться всякое. Перед неприятностями пасовать нельзя. А почему ты побледнел?

— Не знаю. Неужели я побледнел?

— Ты не тот Салех, что был раньше. Похудел, в лице ни кровинки. Что случилось?

— Так, ничего. Наверное, у меня много горя, поэтому...

— Много горя? Сколько, например?

Я засмеялся:

— В килограммах?

Инджи тоже улыбнулась, но тут же нахмурилась, стала серьезной.

— Не говори ерунды. Ты не должен горевать! Пусть горюют слабые, не умеющие бороться. А ты должен сражаться. У тебя еще все впереди. Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

Инджи так громко рассмеялась, что я даже вздрогнул.

— Мне действительно восемнадцать. Я не обманываю.

— Салех, оказывается, ты совсем ребенок.

Это задело меня. Сколько же ей самой лет? Почему она смеется надо мной? Я хотел спросить, но Инджи опередила меня.

— Восемнадцать? Я думала, что ты старше. А мне — двадцать. Значит, ты младше на два года. Смотри, если не будешь слушаться, отаскаю за уши.

— Хорошо. Я буду послушным.

— Повернись ко мне.

— Пожалуйста.

Я повернулся лицом к Инджи.

— Нет. Не так. Совсем, совсем повернись...

— Слушаюсь.

Я придвинулся еще чуть-чуть, приблизил к девушке свое лицо. Инджи откинула со лба короткие волосы, ласково посмотрела на меня и сказала:

— Ну, а теперь говори, в чем заключается твое горе?

Я рассказал ей про отца.

Инджи выслушала меня внимательно и дала слово помочь устроить отца в больницу, вылечить его.

Вдруг я поднял голову: перед нами стояла Лейли. Казалось, она была потрясена, увидев нас сидящими рядом, мило беседующими. Она смерила взглядом сначала Инджи, потом меня. Хитрая, отвратительная усмешка скривила ее губы.

Она сказала жеманно:

— Салех, вчера в темноте у меня из волос выпал гребешок. Ты взял его?

Я ожидал от этой женщины все, но не такой страшной клеветы. Что я должен был отвечать?

Воспользовавшись моим замешательством, она продолжала:

— Впрочем такие мальчики, как ты, стоят тысячу гребешков. Волнующая ночь!.. До того ли нам было!.. Разве мы думали о гребешках?..

Сказав это, вернее, ужалив, как ядовитая змея, она повернулась и пошла прочь.

Я закричал ей вслед:

— Клеветница! Бессовестная!..

Инджи вскочила на ноги.

Я хотел объяснить:

— Это ложь, Инджи!

— Хорошо, мне все ясно. Можно не объяснять.

Я схватил Инджи за руку, насильно усадил на траву. Девушка залилась краской и молчала. Я держал ее за кисти. Руки у меня дрожали. Она старалась высвободиться, сердилась, отворачивалась. Я начал класться, твердил, что все было иначе.

Инджи решительно сказала:

— Мне не нужны объяснения. Хватит, молчи...

Несмотря на ее возражения, я рассказал обо всем, что произошло вчера вечером, как я притворялся, чтобы выведать тайну, как обозвал Лейли и Солтана интриганами и клеветниками.

— Так ли все было? — спросила Инджи.

— Да... Так...

Я хотел снова поклясться. Но Инджи остановила меня. Рассерженная, она поднялась с места и сказала:

— Если так, я их опозорю прямо при народе. Пусть все увидят их подлое лицо.

— Не надо этого делать, — успокаивал я девушку. — Когда отец был здоров, он часто говорил: «У того, кто всегда спешит, подол в ногах болтается». По-моему, надо действовать обдуманно, осторожно, спокойно.

— Нет, Салех, — решительно возразила Инджи. — Комсомолец никогда не должен бояться. Пойду и расскажу обо всем секретарю комсомольской ячейки. Мы быстро уладим это дело. Сегодня — день молодежи. А знаешь, что значит международный день молодежи? Это день объединения революционной молодежи всего мира, день ее боевого союза. В этот день настоящий комсомолец должен срывать маску с врага! Я пошла. Сегодня в семь вечера приходи в клуб на собрание. Буду ждать тебя. Может, мы еще сегодня увидимся на демонстрации. Я буду с заводскими. Найдешь меня — подходи, пойдем вместе.

Она побежала по траве, потом обернулась и крикнула:

— Не забудь: вечером в клубе!..

Я пришел в клуб.

Сверкающий, залитый светом зал, балкон, к которому вплотную подступали высокие развесистые вербы, были забиты юношами и девушками.

Со сцены доносились звуки рояля. Они проникали мне в самое сердце, волнами разливались по залу, прятались в листве деревьев, в волосах молодых девушек.

Все смеялись, все веселились.

Я бродил долго, но Инджи найти не мог. Тогда я встал посреди зала и начал смотреть по сторонам.

Мимо проходили девушки, задевали меня:

— Прости, товарищ!

— Извини, товарищ!

Итак, Инджи нигде не было. Я решил, что стоять на одном месте бессмысленно, просто надо узнать, пришла ли она. Если нет — уйти. С этой целью я подошел к трем девушкам, которые стояли и весело разговаривали, пересмеивались.

Девушки обернулись ко мне. Я почувствовал, что краснею.

— Простите, нет ли здесь Инджи? — спросил я.

Все трое громко засмеялись. Я покраснел еще сильнее.

Высокая черноглазая девушка ответила:

— Здесь есть Мирварид и Ягуд¹, но как жаль, что жемчуга здесь нет.

— Я говорю не про жемчуг, Инджи — имя девушки.

— Мы не знаем, где ваша Инджи, но уверены, что все наши девушки — жемчужины.

Я немного осмелел и сказал:

— Вот я и ищу одну из этих девушек-жемчужин.

Тогда другая девушка подошла ко мне и сказала весело:

— Я тоже одна из девушек-жемчужин. Ну, что вы хотите мне сказать? Говорите.

Я растерялся. Что же мне ответить? Подружки засмеялись. Я вовсе сконфузился. Казалось, руки мои стали вдвое длиннее. Я не знал, куда их деть. Спотыкаясь, вышел из зала. Остановился у входа в клуб.

— Салех!

Я обернулся и увидел Инджи. Она была так красива, весела и приятна, что мне захотелось ее обнять.

— Что еще случилось? Чего скривил губы, как ребенок, сломавший игрушку?

— Так... Я искал тебя. Не нашел. Хотел уходить.

— Я была на сцене. Сусанна сказала, что ты меня ищешь.

Видя, что я молчу и краснею, Инджи добавила:

— Ты понравился Сусанне. Она сказала мне: «Стеснительный, хорошенький мальчик ищет тебя. Я пошутила с ним, он обиделся и ушел». Ты действительно обиделся? Не стесняйся, пошли наверх. Я познакомлю тебя с Сусанной. Сегодня вечером принимают в комсомол. Ежегодно по случаю международного дня молодежи на общем собрании принимают в комсомол. Пойдем, напиши заявление, ты тоже вступишь. Хочешь? Пошли, не стесняйся.

Инджи схватила меня за руку и потащила вверх по лестнице.

Вдруг мы оба остановились. Я спросил:

— А как же дело с Солтаном?

На лицо Инджи набежала тень.

— Я сообщила в Контрольную комиссию, — ответила она. — Завтра нас туда вызовут. Тебя тоже. Я никогда никого не трогаю. Но если меня заденут — спуска не дам. Увидишь, что я с ним сделаю. Пошли.

Мы поднялись наверх.

— Сусанна...

— ...

— У нашего мальчика нет языка. Он не может говорить. Его звать Салех.

Мы познакомились. Сусанна пожала мне руку, затем повернулась к Инджи и сказала:

¹ Мирварид (изумруд). Ягуд (яхонт) — азербайджанские женские имена.

— Он в стороне от общества, потому такой стеснительный. И упрямый. Недавно заладил: «Где моя Инджи?» Я ему предложила другую жемчужину, он не согласился...

Не желая смущать меня еще больше, Инджи переменяла разговор.

— Сусанна! — обратилась она к подруге. — Наш парень хочет подать заявление в комсомол, — затем ко мне: — Как ты думаешь, кто эта коротковолосая девушка? Она — член комсомольского бюро.

Сусанна весело улыбнулась и спросила меня:

— Вы написали заявление?

— Нет...

— Хотите вступить в комсомол?

— Да.

Инджи хлопнула меня по плечу и громко засмеялась.

— Смотрите, какой деликатный! Вся его речь: «нет, да». Ха-ха-ха!..

— Не смущай Салеха, Инджи!

Действительно, эти слова смутили меня. Я чувствовал, что у меня пылают щеки. Руки опять стали длинными, я не знал, куда их деть. Хотелось убежать, вывернуться из этого смешного положения.

Инджи схватила меня за руку:

— Иди, иди сюда... Не бойся девичьих шуток. Пошли, напишешь заявление.

Мы вошли в какую-то комнату. Меня усадили за стол. Дали в руки перо, положили передо мной бумагу.

Я написал заявление.

Инджи сказала:

— Подпишись!

Я подписался.

— Поставь дату!..

Я вывел сегодняшнее число.

— Теперь вставай, пошли. Собрание начинается. Перестань стесняться. Веди себя как настоящий комсомолец.

У входа в зал нам встретилась Лейли. Я думал, после недавнего оскорбления она станет навеки моим кровным врагом. Но нет, этого не случилось. Увидев меня в обществе девушек, Лейли остановилась. На Инджи и Сусанну она даже не посмотрела, а со мной поздоровалась. В ее голосе звучала жалоба. Мы, не задерживаясь, прошли в зал.

Лейли крикнула вслед:

— Салех, подожди! На одну минуточку... Мне надо тебе что-то сказать!..

Я заколебался. Но Инджи потянула меня за руку и сказала:

— Пошли, пошли, не задерживайся!

Мы смешались с толпой. Передние места были уже заняты. Мы отыскивали сзади свободные стулья и сели.

Собрание еще не началось. На сцене находились незнакомые мне люди. Сусанна пошла передать мое заявление секретарю ячейки.

Инджи нагнулась и шепнула мне на ухо:

— Когда тебя вызовут на сцену, не теряйся. Откровенно все расскажи. Скажи, кто твой отец... Не бойся! Правда — это самое главное! Она не повредит.

Разве меня вызовут на сцену?

Я вспотел. Начал пугливо озираться по сторонам, словно вокруг меня были не люди, а драконы.

— Инджи! — позвал я.

Инджи о чем-то разговаривала с Сусанной, которая уже вернулась.

— Инджи! — позвал я снова.

Инджи придвинулась ко мне, освобождая место Сусанне, взяла меня за руку, заглянула в лицо, спросила:

— В чем дело?

— Инджи, а нельзя ли не выходить на сцену?

— Нельзя, нельзя! Сбрось с головы чадру. Разве не слышишь? Все кричат: «Долой чадру!» Вот я встану сейчас и объявлю, что в зале сидит девушка, которая еще не сняла чадру.

— Но ведь я никогда в жизни не выступал, Инджи.

Неожиданно Инджи поднялась и сказала Сусанне:

— Пойду, гляну, как там наши ребята... Спой Салеху колыбельную, пусть подремлет...

Мы с Сусанной остались вдвоем.

Собрание началось.

Из-за стола, покрытого красной скатертью, поднялся какой-то высокий мужчина и несколько раз взмахнул колокольчиком. Затем он начал рассказывать о значении международного дня молодежи.

Кто-то сзади протянул мне записку. Мы с Сусанной развернули ее и прочли:

«Салех! Жду тебя на балконе. Лейли».

Я побледнел и не сказал ни слова. Мне стало досадно, что я прочел записку вместе с Сусанной. Я разорвал ее на клочки и бросил на пол.

Сусанна улыбнулась:

— Любовь не дает девице покоя!..

Я промолчал.

Председатель продолжал говорить. Зал внимательно слушал. С улицы доносился стук паровой мельницы. Легкий свежий ветерок врывался в открытое окно, тормошил волосы Сусанны.

Мне подали вторую записку. Я хотел порвать ее, не читая. Сусанна не позволила. Она насильно отобрала ее у меня, развернула.

Там было написано:

«Салех!.. Ты пожалеешь, если сейчас же не подойдешь ко мне! Кроме того, тонкие губы девушки, которая сидит с тобой рядом, не принесут тебе счастья. Солтан в зале. Он ждет моего приказа. Пожалеешь себя. Приходи на балкон. Лейли».

Не глядя на меня, Сусанна тихо сказала:

— Вот бессовестная!

— ...

Вернулась Инджи и села на свое место. Она смотрела на нас и улыбалась. Однако, заметив, что нам не до веселья, девушка хотела что-то спросить, но передумала и принялась внимательно слушать оратора.

Наконец, председатель закончил вступительное слово. Выбрали президиум. В президиуме оказалась и Сусанна. Она встала, прошла на сцену.

Председатель предоставил слово докладчику, полному черноглазому парню. Слова нескончаемым потоком так и полились у него изо рта.

Инджи шепнула мне на ухо:

— Пойдем на балкон. Я не могу его слушать...

Мы вышли из зала на балкон, сели вдвоем на один стул и принялись вслушиваться в темноту. Листочки верб, которые со всех сторон окружали

балкон, перешептывались с ночным ветерком. Казалось, это журчит вода. На небе перемигивались веселые звездочки.

Инджи о чем-то задумалась. Я трогал рукой ее волосы. Стук паровой мельницы заглушал слова докладчика, которые залетали на балкон из зала через открытую дверь.

— Салех! Ты еще совсем ребенок!

— Из чего ты это заключила?

— По биению твоего сердца.

— ...

— Твое сердце от страха перед Лейли стучит, словно паровая мельница.

— ...

— Салех, ты, что, уснул?

— Я очень несчастен, Инджи.

И вдруг голос со сцены:

— Первое заявление от Салеха Акпер оглы. Он здесь?

Мы с Инджи вскочили на ноги.

Доклад кончился. Председатель громким голосом вызывал вступающих в комсомол.

— Здесь Салех Акпер оглы?

Инджи толкнула меня локтем:

— Отзовись скорей... Скажи, что ты здесь.

— ...

— Что, его нет?!

— Живо, отзовись!..

— Салех Акпер оглы!

— Я здесь!

Все обернулись в мою сторону. Не помню, как я поднялся на сцену. Сидящие в зале и на сцене сделались маленькими, превратились в крошечные точки.

— Повернись к публике. Расскажи автобиографию!

Я встал лицом к залу. Перед глазамиплыли темные круги. Я никого и ничего не видел. Не мог шевельнуть губами.

— Расскажи свою автобиографию!

Меня бросило в жар, прошиб пот. Темные круги перед глазами начали постепенно бледнеть, проясняться. Я стал различать людей в зале. Они шевелились, разговаривали, смеялись.

Кто-то с места закричал:

— Его отец молла!..

Мне показалось, это был голос Солтана. Словно кто-то всадил в мое сердце нож.

— Товарищ, у нас мало времени. Быстрее!

Я набрался смелости и начал говорить:

— Товарищи! Мой отец не молла. Он муэдзин. Мы всегда были бедняками. Наши знакомые хорошо знают, как мы живем. Я не могу говорить...

Спрыгнул со сцены.

Когда я шел по залу, в мой адрес бросали реплики:

— Ребенок вспотел.

— Ничего, это целебный пот. Сейчас он очнется.

Инджи смеялась. Я сел рядом и почувствовал, что с моих плеч свалился тяжелый груз. Сразу стало легче дышать.

Со сцены спросили:

— Товарищи комсомольцы! Кто хочет сказать о товарище Салехе Акпер оглы?

Инджи храбро вскочила с места:

— Я хочу сказать...

Председатель остановил ее:

— Товарищ Инджи, нам славословий не нужно. Кто хочет высказаться против?

Из заднего ряда раздался зычный голос:

— Я хочу сказать!

Это был Солтан.

Взоры всего зала обратились к нему. Он важно прошел на сцену, сделал знак, чтобы все успокоились, и заговорил...

Да как заговорил! Каждое его слово молотом опускалось на мою голову. Я никогда в жизни не слышал столько клеветы и лжи. Он говорил, будто мой отец молла, и у него несколько жен. Будто он вел распутный образ жизни, отчего заболел сифилисом и теперь сошел с ума. Что касается лично меня, то я якобы чуждый элемент и принимать меня в комсомол — значит пустить змею в голубиное гнездо.

Солтан браторствовал очень долго. Многие его слова я не понял. Не желая, чтобы окружающие видели, как меня трясет, я встал и вышел на балкон. В лицо мне пахнул свежий ветерок.

Не знаю, что было в зале после этого...

— Убей, избавь свою душу от мук!

Казалось, эти слова мне сказал кто-то из тьмы. На сердце лежал камень, такой же черный, как ночь. Листочки вербы перестали шептаться и слушали меня. К горлу подступил комок. И вдруг я разрыдался, как одинокая вдова, потерявшая сына-кормильца. Лицо и руки горели. Слезы душили меня.

Слезы... Мне почудилось, будто в листе вербы мелькнуло лицо отца. Он смотрел на меня и смеялся: «Вероломный! Вероломный!» Затем лицо отца превратилось в перекошенное лицо Лейли. Потом ветви вербы вытянулись, вытянулись... С них закапали слезы...

— Убей... Убей себя... Избавь душу от мук!..

Убить себя?.. А не будет ли эта тьма смеяться надо мной? Не назовут ли меня дураком?

— Кто ты и почему собираешься себя убить? Через твое тело перескочат солтаны, лейли и по-прежнему будут обдѣлывать свои грязные делишки. Ты еще не умер, но уже забыт. А после смерти от тебя останется только имя: дурак! Нет, нет... Бежать от такого подлеца и негодяя, как Солтан?! Убить себя? Нет, так не годится!.. Живи!.. Бейся!..

Листочки вербы зашептали:

— Живи!.. Живи!..

Жить?.. Но как жить, если тяжелый кулак Солтана не перестает колотить меня по голове?.. Чем жить? Чем может жить болван, не умеющий ладно связать двух слов, в страхе бежавший после первой же атаки врага? Жить — значит бороться. Кто меня научит, как надо бороться?

Листочки вербы задрожали. Казалось, там, среди ветвей, стоит мой отец и шепчет:

— Вероломный... Вероломный...

— Нет, отец, нет, я должен отомстить именно тебе! Я не могу

остаться верным тебе, твоему пути, той среде, тем людям!.. Я не смогу жить, если не расстанусь с тобой, не свалю тебя!

— Эй, товарищ! Нечего здесь дремать. Вставай! Иди на улицу.

Зал был пуст. Собрание окончилось. Я вышел из клуба убитый горем. Пришел домой.

Дверь была не заперта. Отец спал, свалившись прямо посреди комнаты. На окне горела тусклая коптилка. Со стен свисали рваные обои. На полках, карнизах лежал толстый слой пыли.

Только сейчас я обратил внимание: борода отца стала совсем белой, как хлопок. Шея—тоненькая, как соломинка, вся в голубых жилках. Если бы я схватил эту тонкую шею своими грубыми пальцами и сжал, я отомстил бы ему за все.

Запер дверь. Завесил окно. Комната стала еще более мрачной. Я засучил рукава и подошел к отцу. Он лежал на спине. Дыхание было неровное, прерывистое. Из моих глаз на его щеку скатилась слезинка. Я протянул руку к горлу. Рука задрожала.

Перед глазами замелькали картины... Вот отец на мотив «раст»¹ читает коран... Вот выкрикивает с минарета азан... Какой у него грустный голос... Вот он плачет над телом матери.

Отец зашевелился, открыл глаза. Увидев меня, он быстро поднялся и сел рядом. Внимательно посмотрел. Его грустное лицо сморщилось...

Отец смеялся. Он притянул меня к себе за руки. Обнял. Поцеловал мои волосы.

За много лет впервые отец был так ласков со мной! Потом вдруг лицо его сделалось озабоченным.

— Салех, ты знаешь?..

— Что, отец?

— Завтра праздник.

— Какой праздник?

— Новруз-байрам... Я велел матери приготовить что-нибудь вкусное. Приходи домой пораньше. Хорошо, сынок?

Отец поймал мою руку и начал сжимать. Я хотел вырваться, отойти. Коптилка на окне медленно угасала. Комната погружалась в мрак. Глаза отца стали страшными, загорелись ужасом.

Вдруг он испуганно спросил:

— Ты не видел Салеха?

— Какого Салеха?

— Моего сына Салеха!

Я вскочил на ноги. Отец тоже молниеносно поднялся, схватил меня за ворот рубахи.

— Где мой сын? — закричал он. — Солтан, отдай моего сына!..

Я молчал.

— Твой отец хотел погубить меня, а ты преследуешь моего сына?! Отстань от него, отстань... И все вы отстаньте от моего сына! Отвяжитесь от него. Вы украли у меня его сердце. Вы забрали его у меня.

Он начал трясти меня. Затем замер на месте как истукан. На губах у него выступила пена. Он задрожал и упал на пол, прерывисто дыша.

Я с трудом разжал ему зубы и влил в рот снотворное лекарство. Скоро он успокоился и уснул.

¹ Раст—классическая восточная мелодия.

Рано утром в ворота громко постучали. Я быстро выбежал и открыл.

Это были врач и два санитары. Они пришли за отцом. Очевидно, Инджи приняла меры.

Мне казалось, отправить отца в больницу будет нелегким делом. Я думал, он начнет сопротивляться. Но вышло совсем иначе. Увидев врача и санитаров, он вскочил с постели и начал поспешно одеваться. Можно было подумать, отец только и ждал их прихода.

В дверях он обернулся ко мне и зашептал:

— Не оставляй мать одну... Чаше подходи к ней...

Таким образом, все обошлось благополучно. Наконец-то я избавился от своего прошлого.

Отец увели. Я сразу приободрился, почувствовал прилив сил.

Только одна мысль не дает мне покоя. Вчера отец принял меня за Солтана, схватил за шиворот и закричал: «Твой отец хотел погубить меня, а ты преследуешь моего сына?!» Что это значит? Откуда он знает Солтана? Кто такой Солтан?

Эти мысли без конца донимали меня, не давали спокойно пить, есть, ходить, казалось, путались у меня в ногах.

Я вышел из дому. У наших ворот мне встретила мать Инджи. Она шла куда-то с сыном. Мальчик был аккуратно одет.

Увидев их, я хотел крикнуть: «Успокойтесь, моего отца увели, успокойтесь!» Но тут же отказался от этой мысли. Ведь они ни в чем не виноваты. Таков закон жизни. Когда «нормальный» встречается с «ненормальным», происходит конфликт.

Я сделал вид, будто не замечаю их, хотел пройти мимо. Но, к моему удивлению, мать Инджи остановила меня. Впервые она посмотрела на меня ласково.

— Как живешь, милый? — спросила она, улыбнувшись.

Я не ожидал такого вежливого обхождения и замешкался с ответом.

Мать Инджи решила, что я убит горем, потому и молчу.

— Знаю,—сказала она,— у тебя несчастье. Отца увезли в больницу. Ничего. Он быстро поправится и вернется. Сумасшествие—такая же болезнь, как насморк или малярия. Надо лечить—и человек выздоровеет. Вот и мой сынок немного сумасшедший. Тоже веду его в больницу, в школу. Учитель—тот же врач. Там его хорошенько подлечат.

Я стоял перед матерью Инджи и только поддакивал. Она говорила долго и, наконец, ушла.

Я хотел уже завернуть за угол. Вдруг кто-то меня окликнул. Обернулся, смотрю: Садаф-хала перегнулась через забор и зовет меня. Я подошел. Колочки в заборе помешали нам обменяться рукопожатием.

Садаф-хала сказала:

— Пройди через калитку, во двор... Давненько я тебя не видела.

Мы сели во дворе у террасы, поговорили о том, о сем. Неожиданно я вспомнил слова отца о Солтане.

Садаф-хала старая женщина. Она давно знает нашу семью. Может, она откроет мне эту тайну?..

Открыла.

Я все узнал. Выяснилось, что семья Солтана была колючим кустом на пути моей семьи...

Стоит ли говорить об этом вредном сорняке, растущем посреди до-

роги, который только и может, что ранить да рассекать в кровь ноги путникам? Одно ему название—колючка!

К двенадцати часам дня я пришел в Контрольную комиссию. Мне почему-то представлялось, что это такое учреждение, где в каждой комнате сидят сердитые, злые люди, где от крика и шума глохнут уши. Но, оказывается, я ошибался. Это было очень тихое учреждение.

Меня с улыбкой встретил пожилой седой мужчина с румянцем на щеках и усадил на один из стульев перед собой.

Немного погодя вошел Солтан. Пожилой мужчина и его встретил улыбкой и тоже вежливо предложил сесть.

Пришла Лейли. Повторилась та же процедура.

Появилась Инджи—та же улыбка, та же любезность.

Когда все собрались, начался разговор. Сначала все шло мирно. Солтан старался доказать, что Инджи своей работой не удовлетворяет его как руководителя учреждения, плохо себя ведет, не внушает доверия.

Начав тихо, медленно, осторожно, Солтан постепенно брал разбег, расходился все больше и больше, возвышал голос... Повторил клевету, которая содержалась в письме. Самую верхнюю ноту он взял, произнося слово «безнравственная».

И замолчал.

В начале речи Солтана пожилой мужчина улыбался. Потом улыбка исчезла с его лица. А в конце, после завершающего выкрика Солтана, он поднялся и сказал:

— Не кричи, я хорошо слышу.

Лейли дословно повторила рассказ Солтана. Только она, наоборот, начала с крика, затем постепенно гасла, гасла и, наконец, что-то пробормотав, умолкла совсем. Однако слово «безнравственная» она не осмелилась произнести. Очевидно, не решилась назвать своим именем другого человека.

После Лейли заговорил я. Я по порядку изложил все, чему сам был свидетелем. Рассказал о клеветническом письме. Об отношениях Лейли и Солтана.

Мой рассказ так подействовал на Солтана, что, я видел, он едва сдерживается, чтобы не броситься на меня с кулаками. Но я не испугался. Впервые в жизни я был так смел. Раньше Солтан казался мне великаном, а сейчас он в моих глазах превратился в цыпленка. Теперь я знал, кто он такой, что это за фрукт.

Затем я перешел к основному вопросу.

...Маленький мальчишка, потеряв отца и мать, рос на улице. В поисках работы он бродил из деревни в деревню и, наконец, устроился в соседнем районе слугой у богатого купца. Купец был злой, бессердечный человек. Он бил парня, оскорблял, обижал. За свою работу парень не получал от хозяина ни копейки. Мало того, ему даже не давали досыта черствого хлеба.

Несколько лет он терпел все эти издевательства. Наконец, терпение лопнуло, и он убежал от купца. У парня был красивый голос. Он начал зарабатывать себе на жизнь пением. Кое-как перебивался. Купец преследовал его по пятам, никак не мог примириться с потерей такого бессловесного, такого покорного раба. Он всячески мешал ему жить.

Парень избавился от преследований купца только тогда, когда устроился в мечеть и попал в руки еще более сильных, чем его хозяин.

Купец был отцом Солтана. Сирота—моим отцом.

Сын купца помогал отцу в торговле. Ездил в дальние города и привозил для продажи товары.

В самый разгар коммерческого успеха, когда они всю спекулировали и обманывали народ, на их головы обрушился ураган революции. Отец не устоял перед бурей, сломился, а сынок окончил трехмесячные педагогические курсы и стал учительствовать. Однако вскоре его отстранили от преподавания. В период нэпа он открыл магазин, но впоследствии был вынужден ликвидировать его. Друзья-приятели помогли устроиться на работу, вступить в профсоюз.

Купец преследовал сироту, сбежавшего от угнетения, только до дверей мечети, а сын купца, боясь, как бы старый муэдзин не разгласил о его прошлом, не давал покоя бедняге даже в божьем храме. Мало того, он начал преследовать и его сына.

Сын купца—Солтан. Преследуемый—я.

— Ложь!.. Клевета!.. Заткните ему рот!.. Он оскорбляет члена профсоюза!..

Это кричал Солтан.

Пожилой мужчина, с улыбкой слушающий все наши объяснения, очевидно, терпеть не мог крика.

Он нахмурился, вскочил со стула и сердито сказал:

— Товарищи, не кричите, я хорошо слышу.

Однако на старика никто не обратил внимания.

Я сорвал с лица Солтана маску. Все увидели его подлинное лицо. А он, как утопающий, размахивал беспорядочно руками, стараясь как-нибудь добраться до берега.

Я никак не предполагал, что весь этот шум так скоро утихнет.

Встретивший нас с улыбкой пожилой мужчина с улыбкой же и выпроводил. Выслушав всех, он что-то пометил у себя в тетрадке, пожал каждому руку и сказал:

— Можете идти...

С Солтаном он тоже попрощался за руку.

А я-то думал, что после всего случившегося ему уже никто не подаст руки! В Контрольную комиссию Солтан входил робко, с дрожью в коленях, а ушел веселый, радостный, держа Лейли под руку.

Инджи нервничала. Она бросила что-то вроде: «Посмотрим, увидим...»—и убежала.

Я остался один. Пошел на работу. На доске у двери висел приказ. Я прочел его. В приказе, отпечатанном на машинке, говорилось, что я уволен.

Я хотел сразу же уйти. Ко мне подошла Лейли. Она посмотрела на меня с презрением и сказала:

— Неблагодарный!.. Вероломный!..

Я молча направился к выходу. Она догнала меня, схватила за руку и злобно, раздраженно зашептала:

— Ты дорого за все заплатишь. Не сносить тебе на плечах твоей красивой головы!

Я ничего не ответил и пошел домой.

Во дворе было тихо, как на кладбище. Я задумчиво бродил по саду среди деревьев и кустов. У меня под ногами трещали сухие ветки, жалобно шуршали опавшие листья. Только деревья, на которых уже не было плодов, хранили молчание.

Я вошел в комнату. Она встретила меня гробовым молчанием. Пахло сыростью.

Вдруг в ворота постучали. Я открыл. Мне вручили повестку из суда.

Меня вызвали в суд за то, что я якобы оклеветал Солтана. Обвиняемый—я, истец—Солтан...

На сердце стало тоскливо. Я долго стоял на одном месте, вертя повестку в руках, не зная, что делать.

Опять раздался стук в ворота. Пришли два милиционера. Солтан заявил в милицию, будто я совершил в учреждении кражу.

Произвели обыск. Он закончился в одну минуту, так как в доме ничего не было. Тряпье отца я выбросил. А нового еще ничего не приобрел. Милиционеры ушли ни с чем.

На сердце тоскливо. Началась борьба, страшная борьба. Я и мое слабенкое тело,—мы не готовы к этой борьбе. Солтан хочет погубить меня... Лучше уж я себя...

На сердце тоскливо... Я открыл шкаф, достал большой хлебный нож.

Я читал в книгах: если перерезать вену на левой руке, наступит быстрая и легкая смерть.

Только это надо сделать не здесь. Возле матери...

Сунув нож в карман, я в последний раз окинул взглядом комнату, вышел во двор. Мысленно попрощался с деревьями, травой. Вышел на улицу. Вошел во двор Садаф-халы. Мое лицо горело, руки тряслись, колени подгибались.

Я приблизился к террасе, чтобы в последний раз услышать голос Инджи.

И тут я стал свидетелем следующего разговора.

Инджи сказала:

— Мамочка, ручаюсь головой, Салех не мог совершить кражу. Как Солтан опозорил его сегодня!

Ответ матери я не расслышал. Инджи продолжала:

— Солтан заявил, будто Салех взломал сейф, забрал шелк, купленный для праздника, и немного денег...

Услышав это, я попятился назад, перелез через забор и очутился на улице.

Было уже темно. На сердце по-прежнему тоскливо... Казалось, на меня навалилась вся вселенная.

Я медленно дошел до кладбища. Нашел в темноте могилу матери, сел, обнял камень, стоящий у ее изголовья. Достал нож.

Неожиданно какой-то голос зашептал мне в ухо:

— Надо мстить, мстить...

Может, это голос матери? Волосы на голове встали дыбом. По спине поползли мурашки. Сжалось сердце.

Другой, более грубый голос сказал:

— Надо драться... Мстить и драться...

Я вспотел от страха, вскочил на ноги и припустился бежать с кладбища. В ушах у меня звучали какие-то голоса. Мне мерещилось, будто мертвецы поднимают головы из могил и хохочут вслед.

— Ты думаешь, умереть легко?—говорили они.—Жить трудно, но и умирать—тоже. Смерть должна наступить в конце жизни. Ты хочешь бежать из жизни, найти приют у смерти?!

Я мчался по улицам. Я хотел убежать от кладбища, от мертвецов, от могил.

Наконец, я остановился, чтобы перевести дух. Вижу: передо мной наше учреждение.

В кабинете Солтана горел свет. Я подошел, заглянул в окно. Там были Солтан и двое незнакомых людей. Они что-то держали в руках.

Я пригляделся. Это была шелковая материя, купленная для флагов, и деньги. Они отмеряли материю, делили деньги.

Что мне делать? Кому сообщить?

Пока я раздумывал, тишина в кабинете Солтана была нарушена. Я заглянул в окно еще раз и увидел, что началась ссора. Незнакомцы угрожали Солтану. Завязалась драка.

Я вытащил нож и кинулся к двери. В это время мимо меня шмыгнули две тени.

Вбежав в кабинет Солтана, я увидел, что опоздал.

Утром стало известно, что Солтана ночью зарезали в его кабинете. Весть мгновенно облетела город. Я чувствовал, все косятся на меня. Подозрение росло и росло.

Дело кончилось тем, что я был арестован.

Но это ничего! Истина такая вещь, что всегда придет человеку на помощь, где бы он ни был.

Можно ли затмить свет солнца? Золото не ржавеет.

С тех пор прошло более четырех лет. Сейчас я назначен техником в новый, строящийся город.

И вот такой же день, как несколько лет назад. Праздник, праздник революции... Опять клуб набит битком. Все смеются, толкаются, разговаривают. Молодежь пляшет, танцует... Но очень многое изменилось. Бывшие комсомольцы стали партийцами, активными, трудовыми людьми.

Я, как прежде, стою на балконе, слушаю взволнованный шепот листочков вербы. До начала собрания еще полчаса. И опять стук паровой мельницы примешивается к звукам рояля на сцене.

С балкона видны далекие горы. Они стоят спокойные, величественные и прислушиваются к шуму праздничного города. Я вспоминаю...

Вот улицы, по которым меня вел милиционер. Затем тюрьма, следователь, прокурор... Сначала мне не верили. Кто такие те два человека?.. Мой рассказ казался всем выдумкой. Затем узелок распутался. Преступники были схвачены. Меня полностью реабилитировали и освободили.

Началась спокойная жизнь. Студенческие годы. Семейное счастье. Я готовлюсь к экзаменам вот под такими же вербами. Занятия. Лекции. Результат — мое сегодняшнее положение. И я пойду все дальше, вперед...

— Салех! Отнеси ребенка в ясли... Я спешу.

— Ты совсем меня превратила в няньку, Инджи!

Листочки вербы зашептались. Раздались громкие аккорды рояля. Паровая мельница застучала еще сильнее.

Перевод И. ПЕЧЕНЕВА